

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К33

Оформление карты *Екатерины Звонцовой*

К33 **Кейнс, Катрина.**

Итан слушает : роман / Катрина Кейнс. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-112517-2

Мэпллэйр — тихий городок, где странности — лишь часть обыденности. Здесь шоссе поедает машины, болотные огни могут спросить, как пройти в библиотеку, а призрачные кошки гоняются за бабочками. Люди и газеты забывают то, чего забывать не стоит. Нелюди, явившиеся из ниоткуда, прячутся в толпе. А смерть непохожа на смерть. С моста в реку падает девушка. Невредимая, она возвращается домой, но отныне умирает каждый день, раз за разом, едва кто-то загадает желание. По одним с ней улицам ходит серый мальчик. Он потерял свое прошлое, и его неумолимо стирают из Мироздания. Двое вот-вот встретятся. История развернет свои кольца. Это время Правды, Выбора и Смерти. Какими они будут?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112517-2

© Катрина Кейнс, 2019
© Shutterstock. Inc., фотография на обложке, 2019
© Екатерина Звонцова, карта, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Моей семье, моим друзьям и всем,
кто верил в Итана больше, чем я сама.*

ПРОЛОГ

Мы этого, конечно, не замечаем, но для того чтобы произошла *история*, Мирозданию иногда приходится хорошенько потрудиться.

Рассыпать звезды по небу, чтобы морякам было легче ориентироваться.

Приготовить самые быстрые тучи и спрятать их за горизонтом.

Вселить во множество сердец надежду на чудо.

Наградить *ее* любопытством, а *его* — жаждой приключений.

Направить молнию в нужную доску обшивки...

Но может получиться и так, что героев истории вообще не окажется даже близко к месту, где они должны быть. Или все произойдет еще проще: *она* испугается огней, а *он* — высоких волн и соленой водной толщи. И не выйдет никакой истории.

Да только моя история — не о них.

* * *

Твоя могила.

Выбито имя бесстрастно.

Ни тебе цифр, ни эпитафий.

*Лишь крест над холмом, который
Дожди поливают день изо дня.
Но ты никогда громких слов не любил.
Зачем? Они мешают сути самой.*

(Надпись на камне у самого северного перекрестка)

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ
МЕРТВАЯ ДЕВОЧКА И СЕРЫЙ МАЛЬЧИК

ГЛАВА 1

В одну ничем не примечательную среду, где-то около шести, ветер спустил с Моста Желаний серый шарф с вышитыми на нем красными розами. Следом упала Кэйлин. Теперь уже *Мертвая Кэйлин*.

Почему небольшой мост через разливающийся каждый год ручей назвали Мостом Желаний, никто уже толком и не помнил. На прутьях, которыми скреплялись каменные блоки, висели замки с намалеванными на них именами: считалось, что это поможет сохранить любовь на века или хотя бы до тех пор, пока замок не разомкнется. На осыпающихся камнях многие тоже выводили свои имена, — чтобы затеряться в истории хотя бы разноцветным пятном. У старой ивы, склонившейся над водой, листьев не было видно из-за разноцветных ленточек: их привязывали к веткам на счастье.

Мост Желаний был излюбленным местом мэпллэйровской молодежи.

Пока по нему не проложили дорогу.

* * *

В четверг вечером — уже довольно много времени спустя — над Мэпллэйром прошел дождь из конфет.

Для той части страны, где ютился городок на восемь тысяч жителей, не редкостью были и дожди из лягушек (что легко объяснялось близостью Ванахеймских болот), и дожди из пауков (что было прямым следствием забастовки в северном Сити, известном странными экспериментами). Но дождя из карамелек, тянучек и мармелада никто не ожидал. Никто, кроме Элизабет Рихель, невысокой темноволосой дочери местного священника. Не то чтобы Элизабет недоедала конфет — ей часто покупали сладкое. Просто малыш Лиам Брэйвхарт с Маковой улицы, курносая Дороти Гейл из-за Моста и добрая половина их друзей месяцами не видели больше одного просроченного батончика «Плутон». А папа учил Элизабет делиться и совершать как можно больше хороших поступков.

Ранним утром в пятницу люди в Мэпллэйре стали чуточку счастливее, по крайней мере, те, у кого подрастали дети. Сладкого, высыпавшегося на газоны и тротуары, крыши домов и ступени магазинов, было не столько, чтобы обеспечить работой всех дантистов в городе, но достаточно для появления улыбок даже на самых угрюмых лицах. Бакалейщик Джули, вовремя схватив грабли, ненадолго расширил ассортимент своей лавки.

Радовалась даже Мертвая Кэйлин, которая, конечно же, сыграла не самую маленькую роль в произошедшем.

Ведь ей пришлось умереть, сразу после того как Элизабет Рихель загадала свое желание.

На вопрос «Что с тобой случилось?» Кэйлин обычно отвечала, что с ней случился *Мост*. Если вообще отвечала.

Умирать было страшно. Почти каждый раз. По началу.

Несомненно, многое зависло от способа, но чаще всего смерть оборачивалась сюрпризом, поэтому в какой-то момент Кэйлин перешла грань обычного страха. Появился новый — с примесью обреченности, щепоткой рутинности и долей любопытства.

В неудачные дни Кэйлин могла умереть раз десять. В начале, сразу после Моста, число было намного больше, однако, умирая чаще и чаще, Кэйлин приобретала определенный опыт. Нельзя не освоить парочку трюков, если часто проделываешь один и тот же фокус. Некоторые желания Кэйлин научилась игнорировать: в хорошем расположении духа исполняла особо понравившиеся, в плохом — не слышала ни одно. Желаний было много: разной силы, разного рода, разного происхождения. Вскоре Кэйлин поняла, что может сопротивляться почти каждому, которое слышит. Те же, что оставались недоступны для ее обострившегося неживого слуха, влекли за собой очередную неожиданную смерть.

Элизабет Рихель возникла перед Мертвой Кэйлин сразу после того, как та очнулась в кустах под фонарным столбом. Очередное неслышное, удивительно сильное желание привело к тому, что автобус восьмидесят восьмого маршрута сбил Кэйлин, торопившуюся на свое ежедневное созерцание закатного солнца. Водитель даже не заметил глухого удара: ему давно мерещилось, будто он чуть ли не еженедельно кого-то сбивает, так что пришлось походить к психотерапевту. Доктор Рита Шпенцель убедила его, что во всем,

конечно же, виноват его отец. Узнай это Мертвая Кэйлин, она бы только посмеялась: она неплохо знала родителей этого парня, они часто давали ей деньги за уборку осенней листвы с лужайки.

Маленькую Элизабет Кэйлин тоже знала довольно давно: они жили на одной улице. Отец девочки Кэйлин не нравился — насчет лучшего мира он слегка приврал, — но сама мисс Рихель была разумной леди, что и доказала сразу же, едва увидела хромавшую за забором знакомую в забрызганной кровью юбке и порванной рубашке.

— Лиам рассказал, как тебя на заднем крыльце его дома загрыз волк. Клялся, что клыки были «вот такие» и кровь повсюду... Еще и заикался. Я думала, он не врал.

— Привет, Элиза! — Кэйлин знала, что Элизабет не любит, когда ее имя сокращают до почти вульгарного «Бэтси» или «Лиззи». — Лиам, конечно, славный мальчик, но воображение у него чересчур богатое.

— У тебя тут стекло торчит. — Элиза пальцем указала себе на висок.

Кэйлин, словно в этом не было ничего необычного, вытатила из головы осколок. Автобус задел ее лишь слегка, но как же неудачно разбилось зеркало заднего вида.

— О, спасибо.

— Так ты мертвая?

— Скорее умирающая. По несколько раз на дню... Умирающий джинн Мэпллэйра. Хех. Сейчас вот отец Тома слишком сильно захотел новую жену, например...

— Так на тебя загадывают желание, и ты... — Элизабет изобразила накидывающуюся на шею петлю. — Как падающая звезда.

Кэйлин невольно улыбнулась и тут же поморщилась — парочки зубов не хватало. Но сравнение ей понравилось.

— Звезда... Окровавленная и в порванной майке... Прямо как в шоу-бизнесе. Забавно. Как твои кошки, Элиза?

Мисс Рихель кинула взгляд на белый забор, который огораживал участок ее дома: там рядом были похоронены Снежинка и Бабочка. Их тени гонялись по траве друг за другом неподалеку от надгробий; под призрачными лапами не пригибалась ни одна травинка.

— Пушок совсем старый. Думаю, скоро будет играть на полянке вместе со Снежинкой и Бабочкой. — Элиза вздохнула.

— Жаль его... — Кэйлин чуть-чуть помолчала, а потом задумчиво стала накручивать на палец локон светлых волос, не замечая, что тот пачкается в крови. — А я вот зрение никак не разовью. Слышать умею, а видеть — нет, сэр. Повезло тебе.

Элизабет пожала плечами.

— У меня на глазах умерла мама. Не думаю, что этому стоит завидовать.

Кэйлин поперхнулась — то ли воздухом, то ли остатками страха.

— Прости, я не... — Она услышала громкое мяуканье, потом шипение. — Можешь загадать желание за мою бестактность.